

«РУССКОЕ ДЕЛО В ПЕРСИИ» И ПРОБЛЕМА ВЗАИМО(НЕ)ПОНИМАНИЯ В РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2021

Ларин А.Б.

Институт всеобщей истории РАН (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. В статье представлена попытка взглянуть на проблему российско-британских отношений в Иране Каджаров как на проблему взаимного непонимания. Постулируется, что развитие российско-британских отношений в XIX веке (как и их осмысление) происходило в ситуации противостояния, что непосредственно повлияло на перспективы их улучшения после заключения соглашения 1907 г. Выработанные сторонами на протяжении десятилетий Большой Игры собственные языки обсуждения и интерпретации российско-британских отношений в Персии препятствовали выстраиванию продуктивного конструктивного диалога, загоняя политических акторов в ловушку уже сформировавшихся смыслов и идеологем. Так, значимое для российского общественно-политического дискурса понятие «русское дело в Персии» предполагало «законность» и «обоснованность» самого широкого вмешательства в (Северном) Иране, использования самых разнообразных средств проведения собственной политики. Однако в британском обществе подобные подходы и интерпретации не находили понимания, выработанный язык обсуждения персидского вопроса и российской политики носил инвективный по отношению к России характер и не допускал возможности усвоить органичные для последней смыслы. Понимание данной проблемы ключевыми акторами не вело к принципиальному изменению ситуации.

Ключевые слова: империя; непонимание; общественное мнение; Британия; Иран; Россия; Персидский комитет; Эдуард Грей; Сазонов Сергей Дмитриевич.

«RUSSIAN MISSION IN PERSIA» AND THE PROBLEM OF MUTUAL (MIS)UNDERSTANDING IN RUSSIAN-BRITISH RELATIONS IN THE LATE 19 – EARLY 20 CENTURY

© 2021

Larin A.B.

Institute of World History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Abstract. The paper attempts to interpret the problem of Russian-British relations in Qajar Iran as a problem of mutual misunderstanding. It is postulated that the development of Russian-British relations in the 19th century (as well as their interpretation) took place in a situation of confrontation, which directly influenced the prospects for their improvement after the conclusion of the 1907 agreement. The both parties' own languages of discussion and interpretation of Russian-British relations in Persia, developed over the decades of the Great Game, hindered the building of a productive constructive dialogue, driving political actors into the trap of already formed meanings and ideologemes. Thus, the concept of the «Russian mission in Persia», which was significant for the Russian socio-political discourse, presupposed the «legitimacy» and «justification» of the widest Russian intervention in (Northern) Iran, the use of a wide variety of means of conducting its own policy. However, in the British society such approaches and interpretations did not find understanding, the language developed for discussing the Persian issue and Russian policy was invective in relation to Russia and did not allow adopting the meanings, organic for the latter. The understanding of this problem by the key actors did not lead to a fundamental change in the situation.

Keywords: empire; misunderstanding; public opinion; Britain; Iran; Russia; Persia Committee; Edward Grey; Sazonov Sergey.

История изучения русско-британского противостояния в странах Востока – в том числе в Иране – охватывает вот уже два столетия. Во многом ее истоки связаны с феноменом британской политической русофобии, особенно ярко проявившимся после завершения Наполеоновских войн [1]. С легкой руки Дэвида Уркварта и Джона Макнила (и других людей их круга, в том числе такого известного британского публициста, как Карл Маркс), бомбардировавших английское общество бесчисленными памфлетами и статьями, посвященными «русской угрозе» [2; 3], идея извечного экспансионизма России, ее стремления к новым захватам и, разумеется, ее желания овладеть Индией, прочно вошла в умы многих британцев.

Эти факты хорошо известны, однако на них необходимо обратить внимание, чтобы лучше понимать ту ситуацию, в которой происходило становление

британской традиции восприятия и изучения российской политики в Азии. В свою очередь, появлявшиеся в Российской империи научные и публицистические труды по вопросам русской политики в регионе, российско-британских противоречий в Азии и проч., во многом были ответом на заданную британской стороной интенцию, а также апологией политики России. Так или иначе, противостояние было осязаемым, данным в ощущениях и не случайно получило емкое наименование «Большая Игра» – слишком образное и яркое, для того чтобы мимо него могли пройти как профессиональные историки ([4] – работа содержит и библиографию вопроса), так и политически ангажированные публицисты [5; 6]. Акцент в изучении этих сюжетов на протяжении многих десятилетий делался на исследовании геополитического противостояния, борьбы за те или иные интересы

(военные, экономические), дипломатического соперничества и т.п. Колоссальный накопленный материал (и фактологический, и теоретический), так или иначе, находится в общей рамке, заданной этим противостоянием.

Это особенно хорошо видно по работам, изданным в разные периоды истории и отражающим различные этапы развития историографии. Не хотелось бы проводить традиционное деление на отечественную и зарубежную историографию, поскольку исследовательская палитра много сложнее. Очевидно, например, что позиции русской имперской историографии (при всей условности объединения многих весьма несхожих работ) будут отличаться от позиций советской, внутри которой также хорошо прослеживаются различные этапы развития, отражающие меняющуюся ситуацию внутри страны Советов. Равным образом, различные позиции будут демонстрировать британская историография, американская, иранская и т.д. Но в целом большинство этих работ написано в логике исследования противостояния, в рамках которой авторы занимают ту или иную, более симпатичную и близкую им позицию.

Мне бы хотелось здесь предложить обратить внимание на несколько иной аспект рассматриваемой проблематики, позволяющий сместить фокус с изучения ее как истории противостояния на исследование ее как истории непонимания и дисконформации. Как представляется, иранский материал дает богатый материал для осмысления. Дискурсивные практики, сформировавшиеся в России и Британии в XIX–XX вв., не просто оформляли идущее противоборство держав, но во многом определяли его, задавали логику противостояния и часто не позволяли реализовать самые благие намерения. Проблема выхода за пределы данных практик актуальна и в настоящее время, в том числе – и для исследователей затронутой темы.

К концу XIX в. в российском общественно-политическом дискурсе уже циркулирует ряд понятий, более или менее оформленных и наполненных смыслами, посредством которых происходило описание и осмысление российской политики в Иране Каджаров. В качестве одного из таких понятий выступало «русское дело в Персии» – сложная конструкция, подразумевавшая различные трактовки и интерпретации [7]. И хотя, очевидно, оно не являлось неким формальным выражением позиции правительства (что было бы и невозможно, учитывая нечеткость и расплывчатость формулировок), различные акторы российской политики в Иране ориентировались в своей практической деятельности на ту совокупность смыслов, что данное понятие под собой подразумевало.

Сама по себе логика противоборства, противостояние, взаимное недоверие сторон в ходе Большой Игры были вполне органичны ситуации, поскольку отражали суровую реальность. Однако дискурсивные практики, сложившиеся в течение XIX века, обладали большой инерцией, с легкостью перешагнув рубеж XIX и XX столетий (и, как сравнительно недавно выяснилось, второго и третьего тысячелетий). В этом смысле особый интерес вызывает период с 1907 года и вплоть до Первой мировой войны включительно, когда Россия и Британия, подписав известное соглашение, вроде бы урегулировали суще-

ствовавшие между ними противоречия и пришли к взаимопониманию.

Однако констатация этого общеизвестного факта с неизбежностью приводит нас к проблеме интерпретации. Не хотелось бы обращаться лишней раз к превратившимся в банальности постмодернистским тезисам, однако смысл конструируется в процессе прочтения [8], а потому для более адекватного описания рассматриваемой ситуации необходимо постараться приблизиться к тем толкованиям общепотребимых категорий и понятий, что использовались русскими и британцами в ходе их непростого взаимодействия в связи с персидским вопросом.

Отталкиваясь здесь, быть может, стоит от самого слова «взаимопонимание», к которому должно было привести подписание соглашения 1907 г. Это понятие определяется по-разному в различных словарях, хотя и весьма схожим образом. Различия касаются, в основном, подробности объяснения. Так, словарь Ожегова дает очень краткое пояснение слову «взаимопонимание»: «Взаимное понимание и согласие» [9, с. 79]. Гораздо более развернутую и интересную трактовку дает «Новый словарь методических терминов и понятий»: «Способ отношений между отдельными людьми, социальными группами, коллективами, при котором максимально осмысливаются и учитываются на практике точки зрения, позиции, интересы общающихся сторон. Объективной основой В. выступает общность интересов, близких или отдаленных целей, взглядов. В. конкретно реализуется через вербальное и невербальное поведение. В общении В. достигается при активном и внимательном слушании, стремлении обмениваться информацией, вести разговор на равных и др.» [10].

Наконец, развернутое определение дано в словаре «Основы духовной культуры», его начало звучит следующим образом: «...это тип человеческих отношений, которым присуще адекватное отражение слов и действий друг друга, совпадение взглядов и суждений, согласие в поступках, а также взаимно терпимое, взаимопрощающее поведение в случае разногласий» [11]. Думается, эти два определения вполне раскрывают суть понятия. Стоит задаться вопросом, насколько же российско-британские отношения по персидскому вопросу после 1907 года отвечали данным характеристикам?

В преамбуле к соглашению 1907 г. по Ирану постулируется, что обе державы – Британия и Россия – обязуются уважать целостность и независимость Персии, что, по верному замечанию современника событий, известного военного специалиста А.Е. Снесарева, «несколько расходилось с последующими делениями» [12]. Уже здесь мы видим серьезное противоречие, существенно осложнявшее отношения двух держав в последующие годы (и хорошо видимое как современникам, так и исследователям): как согласовывать тезис о независимости Персии и наличие сфер влияния?

Кроме того, как справедливо отмечает Е.Ю. Сергеев, соглашение 1907 г. не предусматривало принятия на себя сторонами обязательств, не ограничивало свободу действий двух держав. Соответственно, его подписание не создавало нового военно-политического союза, а предполагало «достижение согласия» (*entente*), которое означало признание возможности

сочетать на карте мира сферы преобладающего влияния той или иной державы с регионами, где каждая из них сохраняла свободу действий» [13, с. 60–61]. Однако прийти к согласию на практике, добиться возможности «сочетать на карте мира сферы преобладающего влияния» было вовсе не просто. Особенно с учетом расплывчатости многих формулировок и отсутствия строго определенных обязательств сторон.

Последующие годы развития российско-британских отношений в Иране, вплоть до Великой войны включительно, в полной мере продемонстрировали означенные сложности и проблемы. Реализация согласованного курса в Персии оказалась крайне непростой. Многочисленные противоречия и конфликты вызывали ухудшение отношений России и Британии и порождали бесконечную дипломатическую переписку между Петербургом, Лондоном и Тегераном (и не только, разумеется), весьма однообразную в смысле часто повторяющихся инвектив и ответов на них.

Отдельные периоды – как, например, кризисный 1911 г., когда одновременно сработали несколько дестабилизирующих факторов: приглашение американских финансовых советников во главе с У. Морганом Шустером, стремление последнего проводить самостоятельную политику, не считаясь с интересами России и Британии, попытка бывшего шаха Мохаммада Али вернуть престол и т.д. [14, ch. IX; 15; 16; 17, ch. V; 18] – выявляли проблемы во взаимодействии двух империй особенно отчетливо. При этом в значительной степени это были именно проблемы коммуникации. Вот как прокомментировал события 1911 г. британский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен:

«Я рассказал предыдущие инциденты, чтобы показать, как трудно было обоим правительствам действовать в согласии, принимая во внимание диаметрально противоположные точки зрения каждой из стран. В России отправка войска в Казвин и предполагаемое занятие Тегерана считались необходимой мерой для защиты оскорбленной чести. В Англии, напротив, эти действия осуждались, как ничем не оправдываемые стремления покорить слабую страну и как нарушение ее целостности и независимости. Расхождение во взглядах было так значительно, что, если бы персидское правительство не уступило раньше, чем был отдан приказ двинуться на Тегеран, целостность англо-русского согласия подверглась бы большому испытанию. К счастью, как сэр Эдуард Грей, так и г. Сазонов, были оба государственными деятелями, обладавшими тактом, терпением и выдержкой, необходимыми для ведения таких переговоров; и хотя теперь принято уменьшать заслуги старой дипломатии, я сомневаюсь, смогла ли бы хваленая новая дипломатия с таким же успехом спасти англо-русское согласие от крушения, которым ему угрожали не один раз» [19, с. 79–80].

Бьюкенен был одним из тех, кто отдавал себе отчет в сути затруднений, отнюдь не сводившихся только лишь к наличию объективно различных интересов России и Британии в Иране, но состоявших еще и в сложности выработать общий язык обсуждения имеющихся проблем, найти общее пространство смыслов, позволяющих говорить о тех или иных вопросах актуальной повестки без того, чтобы оказаться в ловушке слов и оборотов, приобретающих различное значение в устах представителей различных

групп. Однако же такое понимание реальной ситуации – наличие существенных ограничений имеющегося общего смыслового поля для проведения успешных переговоров – вовсе не означало возможности для ее преодоления.

Во-первых, совершенно очевидно, что подобная трезвость мысли и способность хотя бы просто увидеть позицию другой стороны (вопрос ее принятия в той или иной степени – уже особый) была присуща далеко не всем как в Британии, так и в России. Для многих из тех, кто так или иначе был вовлечен в персидский вопрос, вовсе не было характерно «адекватное отражение слов и действий друг друга, совпадение взглядов и суждений». Напротив, доминирующей тенденцией в эту эпоху роста национализма было стремление противопоставить себя «Другому», определить себя через это противопоставление, высветив якобы присущие себе позитивные качества и характеристики на контрастном фоне того, кому не повезло оказаться в поле дискурса демонизируемым оппонентом.

Нет недостатка в примерах такого рода. Применительно к персидскому вопросу одним из ярких образчиков с британской стороны предстает деятельность Персидского комитета, парламентского органа Великобритании, постулировавшего в качестве цели своей деятельности защиту независимости и неприкосновенности Ирана через влияние на общественное мнение, а опосредованно – на политику Форин Офис. При этом, в реальности в значительной степени деятельность комитета была направлена на «разоблачение» российской политики в Иране (поскольку именно Россия виделась в качестве главной угрозы персидской независимости) и критику курса Эдуарда Грея [20–22]. Так, например, ответственность за развернувшийся в Иране в 1911–1912 гг. политический кризис один из наиболее ярких представителей Персидского комитета, его идейный лидер Э.Г. Браун, всецело возлагает на Россию. По его словам, кризис был «непосредственно связан с серией агрессивных и провокационных действий со стороны русского правительства, либо, во всяком случае, его агентов в Персии» [23, p. 1].

Симметричных примеров с российской стороны также было множество. Конечно, сильные англофобские настроения были характерны для значительной части общественного мнения Российской империи, они очень широко представлены в публицистике, были распространены среди дипломатов и, особенно, среди военных. Известный дипломат И.А. Зиновьев писал: «Англичане никогда не могли примириться с нашим преобладающим влиянием в Тегеране, и в возникшей в Персии революции они усмотрели средство поколебать наше влияние и устранить Мохаммед-Али-шаха, коему они не могли простить его русофильские чувства» [24, с. 7]. Или вот как характеризовал британскую политику командир Персидской казачьей бригады кн. Вадбольский уже в августе 1914 г.: «Англичане резко отделяют политику в Европе от азиатской; в Европе при содействии нашем к выгоде их и нашей должна быть ослаблена Германия, в Азии мы должны быть отбрасываемы всемерно от возможности хотя бы в далеком будущем приблизиться к теплему морю; Персия должна быть буфером; если нельзя из-за политики в Европе вытеснить

нас усилением своего влияния, то пусть это делают другие, поддерживаемые Англией» [25, л. 104 об.].

Как представляется, на проблемы взаимопонимания России и Британии, их коммуникации по персидскому вопросу имеет смысл взглянуть (в данном случае речь будет идти, скорее, о российской перспективе) в контексте вышеупомянутого концепта «русского дела в Персии». Многообразии трактовок и интерпретаций этого понятия не должны составить существенной проблемы для анализа выбранного аспекта изучения, а именно – влияния имплицитно присутствующей во взглядах и практиках проводников российской политики в Иране идеи «русского дела в Персии» на взаимодействие с британской стороной по персидскому вопросу.

Для некоторого упрощения стоит оговорить, что именно будет пониматься ниже под «русским делом в Персии». В настоящей статье предлагается взять ту трактовку, что была сформулирована в документах за авторством людей, имевших прямое отношение к проведению имперской политики в Иране Каджаров. Прежде всего – это сотрудники внешнеполитического ведомства. В имеющихся документах достаточно явно прослеживается восприятие «русского дела в Персии» как совокупности многообразных интересов России в этой стране: экономических, политических, военных и проч.

Естественно, эти интересы сами по себе могли меняться в зависимости от политической ситуации. Наиболее значимым водоразделом здесь стало именно соглашение 1907 г. Собственно, до начала XX в. идея раздела Ирана на сферы влияния не была популярна в российских государственно-политических кругах. Так, в инструкции новому российскому посланнику в Тегеране А.Н. Шпейеру от 13 октября (30 сентября) 1904 г. министр иностранных дел В.Н. Ламздорф писал: «Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения однако как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя. Другими словами, наша задача – политически сделать Персию послушным и полезным, то есть достаточно сильным, орудием в наших руках, экономически – сохранить за собою обширный персидский рынок для свободного применения на оном русского труда и капиталов, причем тесное соотношение и взаимодействие политических и экономических результатов, уже достигнутых нами, создаст ту прочную почву, на которой мы должны развивать плодотворную деятельность нашу в Персии» [26, с. 14].

Естественно, после неблагоприятного для России итога русско-японской войны и подписания соглашения с Британией аппетиты пришлось несколько поумерить. Отныне они преимущественно ограничивались севером страны – сферой влияния России в соответствии с договоренностями 1907 г. Однако подписание соглашения, хотя и создавало «пусть несовершенный, но реально действующий механизм

сдерживания территориальной экспансии на периферии имперских владений» [13, с. 61], создавало новую сложность во взаимопонимании двух держав, а именно – сложность интерпретации, трактовки статей соглашения. Это был в первую очередь вопрос о том, где находится грань приемлемого и допустимого для России и Британии в соответствующих сферах влияния. На этой почве возникали наибольшие сложности в коммуникации.

Посол Бьюкенен сформулировал эту разницу в понимании соглашения следующим образом: «Россия, с одной стороны, добивалась большего размаха и широты действий в Северной Персии, где у ней было несколько тысяч подданных и покровительствуемые племена, и где торговля была всецело в ее руках. Она разрешала нам делать все, что угодно, в нашей сфере влияния под условием, что мы откажемся от всякого контроля в русской сфере. Британское правительство, с другой стороны, постоянно имело в виду поддержание целостности и независимости Персии. Заботясь о защите британских экономических интересов в нейтральной зоне, оно не имело желания расширить сферу собственной ответственности или дать русскому политическому влиянию распространиться за пределы северной части» [19, с. 87].

Оставляя за скобками вопрос о «бескорыстности» британской заботы о поддержании «целости и независимости Персии», следует отметить, что посол достаточно верно отметил ключевую идею российского правительства: коль скоро идею распространения влияния на все государство Каджаров пришлось (до поры?) оставить, следует сосредоточить усилия на собственной сфере влияния. И для многих (если не большинства) представителей российской стороны соглашение 1907 г. было документом, который именно закреплял права на север Ирана за Россией, обеспечив ей неоспоримые и неотъемлемые преимущества и привилегии в этой части страны.

Предоставим слово министру С.Д. Сазонову. По сообщению британского посла, в одной из состоявшихся с ним в 1913 г. бесед Сазонов высказал следующие мысли относительно сложившейся ситуации: «Россия желает большего простора и свободы действий в Северной Персии. У нее там тысячи подданных, либо покровительствуемых, торговля всецело в ее руках, и по своему географическому положению Северная Персия естественно тяготеет к России». Равным образом, и Британия, с точки зрения министра, была вольна свободно избирать образ действий в собственной сфере. «У России нет желания аннексировать какую-либо часть Персии или создавать трудности персидскому правительству и все, чего она просит, – чтобы правительство Его Величества не пыталось осуществлять своего рода инквизиторский контроль над ее действиями» [27, р. 362]. Вообще, к периоду Великой войны в российских общественно-политических кругах уже вполне сформировался дискурс, в соответствии с которым Северная Персия, прежде всего – прикаспийские провинции, Иранский Азербайджан, являет собой законное поле приложения усилий – торгово-экономических, военно-политических, культурных и проч., что в совокупности должны были содействовать возможно прочной интеграции этих территорий с Российской империей и связывались с понятием «русское дело».

Эти идеи были широко распространенными, мысль о том, что «курица не птица, Персия не заграница» [28] находила понимание у многих публицистов, военных, дипломатов и непосредственно в МИД. Война создала новые ожидания и поводы для роста внешнеполитических амбиций. Стремление к ревизии соглашения 1907 г. проявилось уже накануне Первой мировой, хотя до поры взаимное зондирование настроений по этому поводу оставалось безрезультатным. Однако общая интенция российского внешнеполитического ведомства в этот период проявлялась весьма отчетливо.

Когда в начале 1914 г. британское правительство подняло вопрос о пересмотре соглашения в той его части, что касалась Тибета, Сазонов сформулировал список уступок, которых намеревался добиться от Британии в Афганистане и Иране. В частности, в «Записке», составленной в министерстве иностранных дел по этим вопросам, содержались следующие пожелания к англичанам: не препятствовать образованию фактически автономного Иранского Азербайджана под протекторатом империи с присоединением к нему «принадлежавших некогда России» Гиляна, Мазандарана и Астрабада; дать согласие на наиболее восточное направление Трансперсидской дороги в пределах зоны, отведенной англичанам по соглашению 1907 г.; дать обязательство помочь российскому правительству добиться усиления до нужных размеров штата Персидской казачьей бригады с целью постепенной замены ею жандармерии под руководством шведов; предоставить России коммерческий выход к Персидскому заливу [29, с. 501]. В этой «Записке» выпукло проявилось существовавшее в Петербурге видение актуальных задач России в Иране. При этом, что характерно, несмотря на регулярные заверения российской стороны в отсутствии намерений аннексировать те или иные иранские территории, этот документ содержит недвусмысленно выраженное стремление получить практически полный контроль над Северным Ираном.

Сазонов определенно не отождествлял (справедливо) подобную форму подчинения с аннексией, хотя отдельные авторы опубликованных в годы войны работ (среди которых были и чиновники) были готовы идти дальше в своих рассуждениях и говорили о «присоединении». Но так или иначе, вполне очевидно, что для многих в России ее с Британией относительное положение в Иране, политическое и экономическое значение для них последнего, не виделись равнозначными. Когда в 1914 г. между новым российским посланником И.Я. Коростовцем и шахским правительством возник вопрос о русском землевладении в стране (Тегеран исходил из такого толкования Туркманчайского договора, в соответствии с которым подданные России не могли приобретать земли в Персии), британский посланник сэра Вальтера Таунли встал на сторону иранцев. Как писал Коростовец в воспоминаниях, вопрос о землевладении «вызывал критику сэра Вальтера, утверждавшего, что Россия стремится таким путем заселить русскими [Иранский] Азербейджан и Астрабадский округ, где русская колонизация распространяется при поддержке консулов и тегеранской миссии». По мнению британца, российское толкование Туркманчайского трактата «грозит экономическим поглощением се-

верной Персии, нарушая к тому же англо-русское равноправие и давая русским преимущественное положение сравнительно с англичанами, ибо последние не могут приобретать земельной собственности» [30, л. 64–65].

Однако сам российский посланник определенно не видел в этой ситуации проблемы и смотрел на нее иначе: «Сэр Вальтер охотно прибегал к подобным возражениям о нарушении равноправия, хотя, конечно, сознавал их шаткость, ввиду разных условий, в коих находятся в Персии русские и англичане. Персия – непосредственная соседка России и связана с ней историческими, этнографическими и религиозными узами. Граничащие с Закавказьем персидские провинции населены родственными мусульманскими племенами, а посему издавна привлекали русских переселенцев – промышленников и купцов, стремившихся устроиться оседлым образом в [Иранском] Азербейджане». В то время как «для Англии же Персия и Персидский залив важны в политическом и стратегическом отношениях благодаря соседству с Индией и с полуассальным Афганистаном» [30, л. 65]. Здесь, конечно, со стороны Коростовца наблюдается некоторое лукавство. Во-первых, не совсем понятно, говорит ли он тут о «русских переселенцах» в этническом либо в гражданско-политическом смысле. Во-вторых, Таунли, очевидно, имел в виду не тех, кто стремился «издавна» «устроиться оседлым образом» в северных иранских провинциях, а последнюю волну крестьянского переселенчества из России, набравшую силу накануне и в годы Великой войны. Причем это переселенчество вызывало серьезный интерес чиновников империи, в том числе консулов, а также служащих Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Последние исследовали этот вопрос на месте, опубликовали ряд работ, посвященных российской колонизации Северной Персии, и определенно воспринимали ее как важнейший элемент «русского дела» [7]. Что характерно, на полях записок Коростовца находим следующую запись: «О колонизации Персии англичанами наподобие русского переселенчества не могло быть и речи ввиду неблагоприятных природных и климатических условий южной Персии, населенной преимущественно кочевыми племенами» [30, л. 66]. Как видно, все то, что «естественным» образом объясняло и обосновывало политику России в ее сфере, равным образом указывало на невозможность подобных подходов для британской стороны. «Самочевидность» нужд и потребностей «русского дела в Персии» делала для российских дипломатов, военных и, во многом, МИД достаточно слабыми аргументы британской стороны с их невятными формально-юридическими основаниями.

Эта сложность поиска общей платформы для взаимодействия вполне осознавалась отдельными участниками политической игры, такими как русский посол в Лондоне граф А.К. Бенкендорф или же сам глава Форин Офис сэра Эдуард Грей. В своем письме Дж. Бьюкенену от 5 (18) марта 1914 г. последний затронул ряд вопросов, в том числе связанных с пересмотром конвенции, интересами Британии в Тибете, концессиями, российской активностью в Исфахане и проч. Грей с горечью констатировал: «Очевидно, что русские будут действовать в нейтральной сфере путем расширения российского покровительства (*pro-*

tection) таким образом, что делает продолжение существования нейтральной сферы выгодным для них и невыгодным для нас. Слабость нашего положения в Персии состоит в том, что русские готовы оккупировать Персию, а мы нет. Мы хотим, чтобы Персия была нейтральным буферным государством, они же хотят разделить ее. Но если бы идея англо-русского соглашения состояла в разделе Персии, то мы должны были бы претендовать на южную часть, как и на то, что включило бы в себя территорию, составляющую в настоящий момент нейтральную сферу» [31, р. 776]. Итоги его рассуждений мало обнадеживали. «Таким образом... что до Персии, мы бы хотели получить практически всю нейтральную сферу, при том, что нам нечего уступить там России... Итак, по всем фронтам мы чего-то хотим, и нам нечего предложить взамен. Именно поэтому сложно понять, как мы могли бы заключить выгодную сделку. Твердое соглашение по Трансперсидской железной дороге и о маршруте до Индии могло бы стать подходящим *quid pro quo* для России. Но мне было бы сложно добиться этого в Комитете обороны, и я подвергнусь критике со стороны Индийского правительства...» [31, р. 777] Исходя из всех этих соображений, Грей не решался инициировать дискуссию общего характера по затронутым вопросам, несмотря на то, что она напрашивалась самым ходом событий.

Как видим, сложившаяся в российско-британских отношениях по персидскому вопросу ситуация дискommunikации обладала двоякой природой. С одной стороны, она отражала реально сложившийся стратегический расклад сил в регионе, ситуацию некоторого равновесия, затруднявшую поиск возможных вариантов для продвижения объективно противоречащих интересов. С другой стороны, дискommunikация была обусловлена дискурсивно. Сторонам было весьма сложно прийти к взаимопониманию в силу отсутствия общего языка для обсуждения вопроса, общего понятийно-категориального аппарата, единого поля дискурса. Причем даже осознание теми или иными ключевыми участниками игры этой проблемы не могло радикально повлиять на изменение ситуации, поскольку как в России, так и в Британии в этот период ведущие акторы в известной степени являлись заложниками сложившейся в общественно-политическом пространстве обеих стран традиции восприятия, обсуждения и интерпретации персидского вопроса, традиции, определенно не содействовавшей нахождению точек соприкосновения. Впрочем, все эти проблемы весьма хорошо знакомы нам и из текущей повестки, из тех тупиков, в которые с завидной регулярностью заходят международные отношения ныне.

Список литературы:

1. Gleason J.H. The genesis of Russophobia in Great Britain. A study of the interaction of policy and opinion. Cambridge: Harvard University Press, 1950. 314 p.
2. McNeill J. Progress and present position of Russia in the East. London: John Murray, 1836. 151 p.
3. Urquhart D. Progress of Russia in the West, North, and South, by opening the sources of opinion and appropriating the channels of wealth and power. London: Trübner & co, 1853. 438 p.
4. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Централь-

ной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.

5. Леонтьев М. Большая Игра. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб., 2008. 319 с.

6. Широкоград А.Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 512 с.

7. Ларин А.Б. «Русское дело в Персии»: содержание и интерпретации понятия в конце XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 3 (101). DOI: 10.18254/S207987840014605-4.

8. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.

9. Взаимопонимание // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А Темп», 2006. С. 79.

10. Взаимопонимание // Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. С. 36.

11. Взаимопонимание // Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 138–139.

12. Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 г. СПб.: Экон. типо-лит., 1908. 30 с.

13. Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанга 1907 года: мифы и реальность // Россия и Британия. Вып. 5: На путях к взаимопониманию / отв. ред. и сост. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 2010. С. 54–64.

14. Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A study in Imperialism. New Haven and London: Yale University Press, 1968. 711 p.

15. McDaniel R.A. The Shuster mission and the Persian constitutional revolution. Minneapolis: Bibliotheca Islamica, 1974. 259 p.

16. Shuster W.M. The strangling of Persia. New York: The Century Co, 1912. 423 p.

17. Yeselson A. United States – Persian diplomatic relations, 1883–1921. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1956. 252 p.

18. Ларин А.Б. «При громе орудий и радостных криках толпы шах въехал в Астрабад»: Россия, Британия и попытка реставрации Мохаммад Али-шаха // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9, вып. 8 (72). DOI: 10.18254/S0002504-3-1.

19. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2001. 400 с.

20. Медведик И.С. Деятельность британского Персидского комитета в зеркале российской прессы (конец 1911 – начало 1912 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (84): в 2-х ч. Ч. 2. С. 102–104.

21. Медведик И.С. Деятельность британского Персидского комитета в связи с англо-русским соперничеством в Персии (1908–1913 гг.) // Манускрипт. 2018. № 12 (98), ч. 1. С. 45–48.

22. Bonakdarian M. The Persia Committee and the Constitutional Revolution in Iran // British Journal of Middle Eastern Studies. 1991. Vol. 18, № 2. P. 186–207.

23. Browne E.G. The Persian crisis of December, 1911; how it arose and whither it may lead us; compiled for the use of the Persia Committee. Cambridge: Privately Printed at the University Press, 1912. 18 p.

24. Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. 176 с.

25. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77.

26. Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. 1932. № 4 (53). С. 3–37.

27. Annual Report on Russia for the year 1913 // British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I. Series A. Russia, 1859–1914 / ed. D. Lieven. Vol. 6. Russia, 1910–1914. University Publications of America, 1983. Doc. 172. P. 344–377.

28. Ларин А.Б. «Курица не птица, Персия не заграница»: южный сосед Российской Империи в сознании россиян конца XIX – начала XX вв. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 4 (27). <https://history.jes.su/s207987840000726-7-1>.

29. Записка, составленная в министерстве иностранных дел. 20 февраля (5 марта) 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 3. 1914–1917. Т. 1. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. № 384. С. 500–501.

30. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 340. Оп. 839. Д. 13. Коростовец. Мемуары. «Персидские арабески». Персия 1914–1915 г. 2-й вариант.

31. Sir Edward Grey to Sir G. Buchanan. Private. London, March 18, 1914 // British Documents on the origins of the War, 1898–1914. Vol. X, part II. London, 1938. № 535. P. 776–777.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Ларин Андрей Борисович , кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Новой и Новейшей истории; Институт всеобщей истории РАН (г. Москва, Российская Федерация). E-mail: ab-larin@mail.ru .	Larin Andrey Borisovich , candidate of historical sciences, researcher of Modern and Contemporary History Department; Institute of World History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ab-larin@mail.ru .

Для цитирования:

Ларин А.Б. «Русское дело в Персии» и проблема взаимо(не)понимания в российско-британских отношениях в конце XIX – начале XX века // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 3. С. 175–181. DOI: 10.17816/snv2021103207.